

ЖУРНАЛИСТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРИНЦИПИАЛЕН, НО Я НЕ ЖУРНАЛИСТ

На встречу к Александру Гордону я опоздала на двадцать минут. «Будет меньше времени для вопросов, — сурово сообщил его редактор и добавил: — Ничего личного». Александр Гарриевич равнодушно пожал плечами: «Да я просто не отвечаю на личные». Но вопреки недисциплинированности журналиста, Гордон был приветлив, сдержан и промолчал только один раз. В интервью он мало чем отличается от того Гордона, которого мы видим на экране, — постоянно курит, вдумчив, скептичен, создает антителевидение и ломает стандарты. Спокоен и мало сомневается в собственной правоте.

Ника ДРАБКИНА

— Почему вы не любите телевидение? Ведь оно приносит вам доход.

— Я не люблю то телевидение, которое у нас есть, и сомневаюсь, что есть такой человек в этой стране, который бы любил это телевидение. Терпеть — можно, но любить — не за что. Я вообще называю телевидение низким жанром. Что это означает? Это означает, что человек, работающий на ТВ, очень мало использует выразительных средств. Не из чего делать то, что можно назвать тождественным хотя бы даже искусству. Поэтому все обходится определенным набором штампов.

Существует неискоренимая иллюзия, будто огромная аудитория смотрит телевизор от и до, просыпается под рекламу и засыпает под прогноз погоды. Ерунда — большинство людей передачи видят где-то в промежутке между ванной комнатой и туалетом или спальней и гостиной. Поэтому серьезно обсуждать влияние телевидения смешно. И фильмы имеет смысл смотреть на маленьком экране только если до этого ты видел их на большом. Потому что любая картина, показанная по телевизору, — это всего лишь напоминание. Никому, и особенно подрастающему поколению, не советую смотреть картину в первый раз по телевизору. Это убийство фильма.

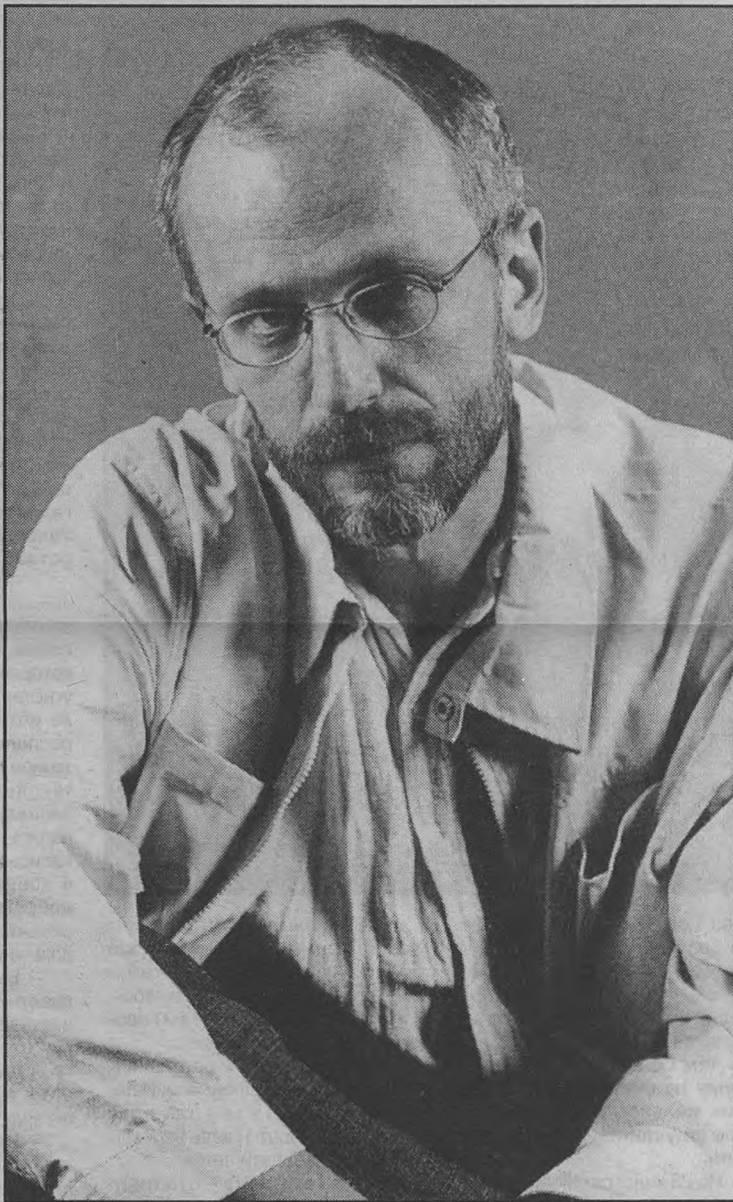
— Вы сами смотрите телевизор?

— Да, конечно.

— Есть хоть что-то, что вам нравится?

— Мне нравится Парфенов. Как раз потому, что он пытается выйти за грани штампов. Очень люблю Михаила Швыдкого. Не как министра, который вдруг забрался в телевизор (я понимаю, что он пользуется своей властью, и, конечно, приглашает любого человека на свою программу). Он мне интересен как телевизионный ведущий. Мне нравится... Хм, да и все, пожалуй. По крайней мере, в том, что касается ток-шоу. Сериалы я не смотрю, новости не отличаю одни от других. Вообще, если убрать логотипы и студии и оставить только события, отличить РТР от НТВ или ОРТ будет практически нереально.

— Ваша самая скандальная выходка в радио- или телеэфире?

ре? Какие она имела последствия?

— Реакция на пресс-конференцию Никиты Сергеевича Михалкова. Когда он в очередной раз решил сообщить нищей стране, что потратил на съемки своего замечательного «Сибирского цирюльника» 45 миллионов долларов. В то время как бюджет средней картины в России до сих пор составляет 500 тысяч. Я полагаю, что за те же деньги тогда можно было снять штук двадцать качественных отечественных фильмов. При том, что «Сибирский цирюльник», говорят, не шедевр. Сам я, правда, не смот-

ли не до президента, а мне его переслал утром Фонд гласности. И поэтому я успел сделать все возможное, чтобы дело не приняло совсем серьезного оборота. В результате меня амнистировали и велели публично попросить прощения у Никиты Сергеевича. Это, пожалуй, была самая скандальная моя «выходка». Теперь другое делаю. Вот сегодня на радиостанции «Серебряный дождь» в восемь часов утра я начал читать вслух «Зачарованного странника» Лескова, в одиннадцать закончил. И все — только текст писателя. Так всю программу.

— На собственные утренние эфиры приходилось опаздывать?

— Сплошь и рядом. Я никогда не опаздываю позже двенадцати дня, в отличие от некоторых (многозначительный кивок в мою сторону). Но утром это просто невыносимо. «Хмурое утро» пять лет назад назначили вообще на семь утра, потом это было полвосьмого, а теперь уже восемь. Может быть и восемьдесят. Что будет дальше — страшно подумать. В «Хмурый день», наверное, программу переименуют. Давно уже открыли специальную рубрику «Гордон опаздывает»: звонят радиослушатели и угадывают, на сколько я опоздал в этот раз. За точное время прихода Гордона в студию получают призы.

— Ипохондрия — это взгляд на жизнь или удачно выбранный образ, актерское амплуа?

— Зависит от того, сильно спина болит или нет. Если сильно, как сейчас, — все органично и от сердца. Если совсем не болит — это амплуа.

— Вы на самом деле какой?

— Личный вопрос.

— Ваше отношение к ситуации с шестой кнопкой? Если бы вы претендовали на частоту, что бы предложили на рассмотрении комиссии?

— Я не такой широкий, как канал, поэтому предложить мне нечего. И до сих пор сознательно дважды отказывался от руководства каким-либо каналом, хотя предлагали настойчиво. Сейчас мне в третий раз делают предложение — не знаю, может, на этот раз и соглашусь. А что касается шестой кнопки, здесь, как сказал один замечательный рок-музыкант, когда его спросили, как он относится к «Битлз», «It's All About Money» — это все из-за денег. То же и с ТВ-6. Платят Киселеву, и он работает. Здесь или там нести ахинею — неважно. И борется на глазах у общественности с другими журналистами за свободу своего, киселевского, слова. Нет политики или гласности — только деньги.

(Окончание на 18-й стр.)

Вер. март - 2002, - 8 мая, - с 10, 18